

“...В ОДИНОЧКУ, шаг за шагом, по едва намеченному следу - за истиной...”

Софья Мижеричер беседует с Лидией Яновской

Поначалу ее высказывания эпатируют. “Я - человек сам по себе. Биография моя - не по правилам. И литератор я - не по правилам. В привычном понимании - никогда не служила. Была - никто. Думаю, поэтому в 1980-е годы напрямую КГБ не преследовало меня за необоримое стремление проникнуть в тайны архива великого писателя России - Михаила Булгакова”. Эти слова принадлежат писателю, литературоведу, текстологу, доктору филологии Лидии Яновской, чья фанатичная преданность избранному пути обогатила русскую литературу. Благодаря ее многолетним исследованиям, огромной текстологической работе читатели узнали

многие ранее неизвестные факты жизни и творчества Ильи Ильфа, Евгения Петрова, Михаила Булгакова. Впервые смогли прочесть восстановленные тексты “Белой гвардии”, “Собачьего сердца”, “Мастера и Маргариты” Булгакова (издание 1989-1990 годов)... Книги Яновской читаются как увлекательный детектив. Их притягательность и своеобразие - в стиле изложения, соединяющем исследовательское и художественно-документальное начало.

- После окончания Киевского университета вы, молодой филолог, сумели - осознанно или интуитивно - найти свою “нишу” в литературе. Как формировались ваши литературные пристрастия?

- У меня были два великих учителя: Илья Ильф и Михаил Булгаков. Осмысливая прожитое, понимаю, что все, что происходило - удачи, провалы, победы, поражения, - выстроилось как судьба. В которой виден сюжет. Где все закономерно и важно. Об этом сказал Пастернак:

Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.
В молодости неожиданные по-
вортоты судьбы воспринимаешь

Лидия Яновская в рабочем кабинете

Илья Ильф и Евгений Петров

как случайные стечения обстоятельств. Когда на пепелище во время войны я нашла роман Ильфа и Петрова "Золотой теленок", наверно, это был знак судьбы. Из разных тем, предложенных выпускникам филологического факультета для дипломной работы, я выбрала - случайно или не случайно - тему творчества Ильфа и Петрова. Правда, эту тему выбрала не только я. Но дальше последовал февраль 1949 года, в стране началось удушающее безумие, именуемое "борьбой с космополитизмом". В одной из редакционных статей "Правды" тех дней издание романов Ильфа и Петрова было названо ошибкой. Означало это одно: изъятие из литературы произведений Ильфа - ввиду его еврейского происхождения. Та же участь постигла и Петрова, писателя хотя и русского, но "погодившего на поводу"... Все студенты - кроме меня - немедленно отказались писать работы по их произведениям. Я от своей темы отказаться не могла и продолжала упорно над ней работать. Что не могло оставаться безнаказанным. Состоялось совместное заседание ректората университета, парткома и деканата, на котором обсуждался мой вопрос. Исключить из университета до защиты? Или защиту допустить, а потом - под суд? Даже срок заключения был оговорен с райкомом партии - четыре года. Только порядочность районного судьи помогла мне избежать ареста. Он изъял из "дела" необходимые мне документы и велел немедленно уехать из Киева. К сожалению, фамилию судьи не помню. Так я стала автором первой серьезной работы о творчестве Ильи Ильфа и Евгения Петрова.

- Если принять вашу версию о роли случайного и закономерного, то логично предположить, что с юных лет вас притягивает сатира. Отсюда - увлеченност работами Ильфа и Петрова. Затем - Булгакова. Такая трактовка допустима?

- В определенной мере - несомненно. В самые тяжелые годы юмор и сатира были духовной защитой моего поколения. Душевным здоровьем. Дерзкие, остроумные реплики Оста-

Елена Сергеевна - еще Шиловская. 1920-е годы.

Будущая Елена Булгакова

па Бендера можно было услышать на улице, по радио, у друзей. Ильф и Петров были любимыми писателями миллионов. То, что делало их творческий союз уникальным, принадлежало гениальному Ильфу, который был, по словам Любови Евгеньевны Булгаковой, божественно остроумен. Но без Евгения Петрова - большого писателя - он бы не реализовался в литературе. Ильф прожил менее сорока лет. После его смерти прошло более шестидесяти. А романы читаются так, как будто написаны вчера.

- Ильфа и Петрова "реабилитировали" в 1953 году. Как это произошло?

- Их вернула в литературу хрущевская оттепель. Да и тогда, в 1949-м, после статьи в "Правде", большого скандала не получилось. Некого было арестовывать, некого - расстреливать, Ильфа и Петрова давно уже не было в живых. "Реабилитация" их творчества состоялась во многом благодаря усилиям Константина Симонова. Он любил обоих. Дружил с Евгением Петровым в годы войны. Симонов упорно отстаивал свое предложение о необходимости переиздания их произведений. И добился - романы переиздали. Сразу после этого я начала писать. Вначале были случайные заработки. Потом перешла на издательские договоры. В это время в СССР началась публикация ранее запрещенных или неизвестных произведений. Я оказалась у истоков этого "жанра". Стали открываться литературные архивы. В фонде Ильфа и Петрова в ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства) удалось раскопать "Двойную биографию", варианты "Золотого теленка", наброски повести "Летучий голландец". Опубликовала их. Открытие этих жемчужин литературного архива принесло познание сладкого чувства исследователя. Оно - сродни древнему чувству охотника, когда в одиночку, осторожно, шаг за шагом, по едва намеченному следу идешь за истиной...

В начале 1960-х вышло пятитомное Собрание сочинений Ильфа и Петрова, для которого я впервые датировала каждую из "Записных книжек" Ильи Ильфа. Недавно его дочь Александра подготовила и выпустила новое, еще более полное их издание, в котором много лестных ссылок на мои работы. В 1963 году была издана моя книга "Почему вы пишете смешно?". Она издана массовым тиражом под редакцией академика Дмитрия Лихачева. Уже в Израиле меня разыскал Аллен Прешак - переводчик произведений Ильфа и Петрова на французский язык. Пришел на отзыв свою диссертацию, посвященную их творчеству. Раскопал мои публикации, сослался на них в своей работе. Пригласил на защиту и банкет, но поехать я не смогла...

Работа об Ильфе и Петрове полностью завершилась. Я была свободна. И в начале 1962 года взяла новую тему: Михаил Булгаков. Я пришла к ней задолго до публикации "Мастера и Маргариты", "Театрального романа". Не думала, что мой выбор - на всю оставшуюся жизнь.

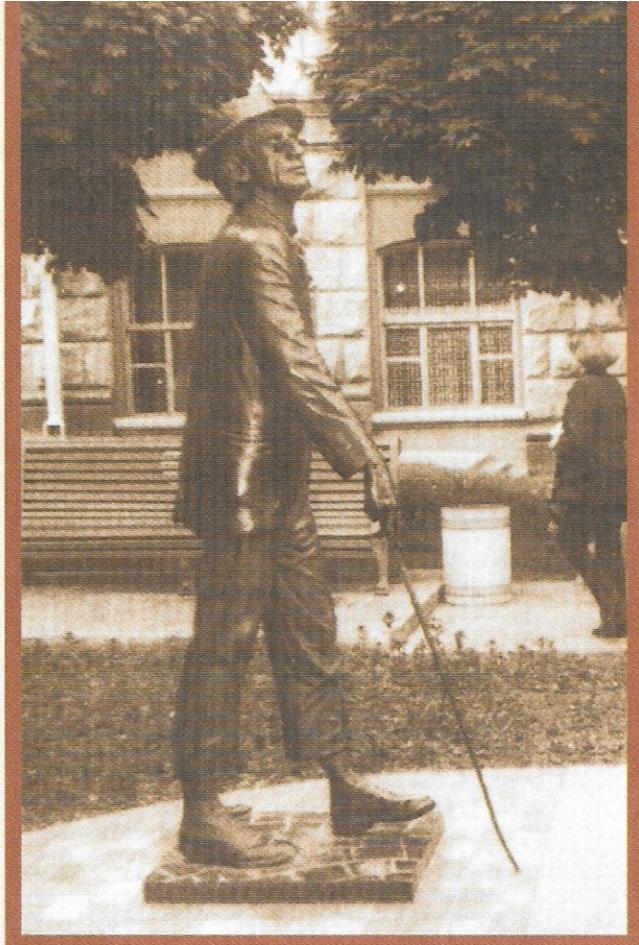
- Как родилась идея проникнуть в тайны творческой лаборатории малоизвестного до 1960-х годов писателя Михаила Булгакова? Почему - именно Булгакова?

- В биографии Ильфа и Петрова все время возникал Булгаков. Он был их товарищем. Собственно, дружил Булгаков с Ильфом, еще со времен их совместной работы в "Гудке". Впервые рассказал мне о Булгакове писатель и журналист Арон Эрлих. От него я узнала, как, встретив однажды на улице голодного и неустроенного Михаила Афанасьевича, он буквально за руку привел его в редакцию, где тот получил так необходимое ему в тот момент жалованье. Не могу сказать, что именно Эрлих открыл мне глаза на Булгакова. Из небытия писатель выходил сам. Это были 1950-е, когда открылись хранилища запрещенных, арестованных книг. В библиотеке Академии наук Украины появились оба издания "Дьяволиады" и рассказы, опубликованные в периодике 1920-х годов. Вот все, что было для меня Булгаковом.

ковым в середине 1950-х. Не так уж и мало! Своей необычностью тексты завораживали. И потом - я знала о существовании его неопубликованных произведений. Исследовательское чутье привело меня в дом вдовы писателя Елены Сергеевны Булгаковой. Его последняя любовь. Его королева... Он трижды был женат на прекрасных женщинах. Но королевой назвал только одну. К Елене Сергеевне почти никто не приходил: Булгаков был еще непопулярен. Она моему приходу обрадовалась. Потом я часами слушала ее великолепные рассказы, читала у нее неопубликованные произведения Булгакова. Так началась наша дружба с Еленой Сергеевной, продолжавшаяся до последних дней ее жизни.

- Что было дальше?

- Я сказала Елене Сергеевне, что хочу написать книгу о Булгакове. Писала ее пять лет. Назвала "Жизнь и подвиг Михаила Булгакова". Были договор с издательством "Художественная литература", хорошая рецензия Константина Симонова. Но книгу не опубликовали. Отказ сформулировали кратко: "Это - биография, а Михаил Булгаков еще не заслужил биографии". Рукопись из издательства "пошла по рукам". Книгу читала вся Москва. В 1970-е я стала на трудный путь маленьких публикаций его неизвестных произведений: "Ханский огонь", "Неделя проповеди", "Налет" и многих

Памятник Паниковскому в Киеве

других. Они сделались очень популярны. Их переводили на множество языков. Коллекционировали. А я продолжала работать над книгой "Творческий путь Михаила Булгакова", которая вышла в издательстве "Советский писатель" в 1983 году.

- Как вы обнаружили текстологические искажения в произведениях Булгакова? И почему это стало возможным?

- По профессии я - текстолог. Отвечаю перед писателем за текст, представляемый его читателям. После смерти Елены Сергеевны выяснилось, что роман "Мастер и Маргарита", изданный в Союзе, сильно отличается от текста, опубликованного ею ранее за рубежом. Думаю, искажения произошли вот почему. Еще при жизни Елены Сергеевны роман вышел в журнале "Москва" с большими купюрами. Она была женщина потрясающая и выбила в Главлит (так называлась цензура) разрешение отправить вырезанные фрагменты на Запад, для опубликования. И впервые полностью роман "Мастер и Маргарита" вышел за границей. Константин Симонов, уже после смерти Елены Сергеевны, добился разрешения опубликовать роман полностью и в СССР. И чтобы не перепечатывать опубликованное за рубежом, издатели решили дать вариант текста якобы более правильный. Вставили из черновиков Булгакова вычеркнутые им самим куски, сделали компиляции его текстов. С "Собачьим сердцем" ситуация другая. Оно вышло на Западе в страшно искаженном виде. Этот же текст был перепечатан и в России. Когда я сверила его с оригиналом, то сняла почти тысячу искажений - больших и малых. Позже искажения были обнаружены и в текстах "Белой гвардии". Я много писала об этом в "Вопросах литературы". Говорила, что все нуждается в проверке. Но в России царит беспредел, пренебрежение к подлинному слову автора. Огромный архив Булгакова, сбереженный Еленой Сергеевной, был передан ею в Библиотеку имени Ленина. Доступ к

архиву был для меня закрыт. Его получали только люди, пользующиеся доверием КГБ. Я к этому кругу не принадлежала.

Только в 1987 году в связи с перестройкой я получила наконец доступ в архив. Обнаружилось, что за прошедшие годы пропали многие булгаковские рукописи. Но зато я получила доступ к сохранившимся и смогла восстановить подлинные тексты романа. Подготовленные мною тексты вошли в пятитомное Собрание сочинений Булгакова, увидевшее свет в московском издательстве "Художественная литература" в 1990-1991 годах, а также в двухтомник, изданный в Киеве.

- Многие ваши творческие замыслы реализовались. Изданы "Записки о Михаиле Булгакове", отмеченные премией Союза русскоязычных писателей Израиля. Почему возникло столь острое противостояние с булгаковедами России, которое вынудило вас эмигрировать в Израиль?

- Многие думают, что если писатель велик, то рано или поздно он сам приходит к читателям. Это не совсем так. Мало было подвижнической жизни Булгакова. Понадобились тридцать лет самоотверженных усилий Елены Сергеевны, чтобы сохранить литературное наследие мужа и продвинуть его в печать. И понадобилось тридцать лет моей жизни для защиты и продвижения его творчества. Булгаков был светлым человеком. Почему его при жизни так ненавидели критики, а потом - булгаковеды? Они не прощают Булгакову его нравственную высоту.

Думаю, что конфликтность и ненависть, которые я притягиваю к себе, унаследованы мною от Булгакова. Сама я человек неконфликтный, но булгаковедов - не устраиваю. Мне удалось приоткрыть дверь в булгаковедение, и туда рванула толпа, топча все на своем пути...

- Над чем работаете сейчас?

- У меня - бесконечный Булгаков. Огромное количество неопубликованной информации. Жизнь - продолжается...

Фото из архива
Л. Яновской

Памятник 12-му стулу, воздвигнутый на Дерибасовской в Одессе